

Шестьдесят. И что?

Только в юности мечтают о пенсии. Сколько раз приходилось слышать от молодых людей, только начинающих свой бесславный «трудовой путь»: скорей бы пенсия... вот выйду на пенсию... Дальше, как правило, шла затяжная и неопределённая пауза, поскольку в 25-30 лет никто не представлял и даже не собирался представлять, что он будет делать на этой самой «пенсии». Главное было подчеркнуть – ах, как же сейчас, когда полон сил и здоровья, а вокруг множество соблазнов – не хочется работать, тратить дороге время на откровенную рутину. Вставать ни свет, ни заря, тащится на другой конец города... Если еще повезет, и работа будет не очень скучная, а если нет?

Ну, ладно, если ты, допустим, запрограммированный карьерист, и тебе все это надо для галочки, для анкеты, для статуса, даже номинального, чтобы, в конечном счете, мечта сбылась, и ты получил необходимую для удовлетворения собственных амбиций дозу властных полномочий. А если нет? Если способность распоряжаться судьбами людей, тех же подчиненных, не является доминантной целью существования тебя как *homo sapiens*, если эта цель лежит где-то в иной плоскости, что тогда? Вот так и пребываешь в первую, активную и романтично воспринимаемую часть жизни в этих маниловских грезах о славных ленивых деньках на заслуженном отдыхе.

Но к сорока эта незрелость восприятия у большинства проходит, а после пятидесяти ты уже начинаешь просматривать статьи о пенсионном возрасте, интересоваться проблемами Пенсионного фонда и пенсионной реформой, отличием страховой части пенсии от накопительной. И чем ближе шестидесятилетие, чем ближе рубеж пенсионного возраста, тем все больше и все отчетливей страшишься этого момента, перехода в некое новое состояние с неопределенным статусом, зачастую в нашей реальности унижительным, и невеселыми перспективами.

Пока ты полон сил и планов, пока работаешь, ты живешь по принципу реагирования на внешнюю ситуацию. Кто-то извне

ставит перед тобой цели и задачи, ты их выполняешь или не выполняешь, соответствуешь или нет. Можно как-то соответствовать, частично соответствовать, вообще не соответствовать. В данном контексте это неважно. Важно, что не ты определяешь свой рабочий график, наполнение своих ежедневных восьми рабочих часов, интереснейшей части каждого дня проживаемой жизни. Тебе особо то и размышлять ни о чем не надо. Со стороны работодателя на тебя сваливаются задания, совещания, поручения, поучения, а ты должен только умело маневрировать среди этого бесконечного потока. За некоторые приниматься, от большинства уклоняться, держа в голове многократно проверенный железобетонный принцип: не спеши выполнять поручение начальства – дождись, когда отменят (или как вариант – забудут).

И вот вдруг с тебя снимают этот внешний пресс и оставляют наедине с самим собой. А ты всю сознательную жизнь провел под этим прессом, сражаясь, поражаясь, с удовольствием подчиняясь, или скрыто сопротивляясь. И каково должно быть тебе? Ощущаешь не облегчение (ну, может, только в первое короткое время), а беспричинную опустошенность, сомнения и непонимание, куда же себя приладить.

Согласитесь, не каждому так везет, что к 60 годам появляется прочные внеслужебные интересы, или говоря популярным языком – хобби. Встречал я немало людей, которые в вынужденной попытке сформировать неожиданно образовавшейся досуг, стремительно ударялись, кто в охоту, кто в рыбалку, кто еще в нечто более экзотическое. Естественно, что были не настоящие охотники или рыбаки, а просто люди, бегущие от своего быта, от неудовлетворенности семейной жизнью, от пустоты жизни личной.

Конечно, рыбалка так называемая или охота, безусловно, лучше, чем пьянка, как ею не приукрашивай и в каком виде не подавай, – скажите вы, и будете абсолютно правы... Хотя мы здесь не ищем нижних или верхних границ, а праздно рассуждаем о ментальных ощущениях по поводу...

Семейные ценности – вот казалось бы новый и самый правильный фактор, определяющий жизнь после пенсионного рубежа. Дети, внуки, они должны вроде бы заполнить все твоё освободившееся время и подчинить его себе. Даже не буду пытаться представлять себе, что творится в головах у представительниц лучшей половины. А у мужиков, прошедших всю

сознательную жизнь на госслужбе или почти на госслужбе, этого не происходит, почему-то не происходит. Мужчины испытывают некую щемящую тоску, даже ностальгию по управленческой вертикали, в которой они долго и привычно существовали и в советское и в постсоветское время, перемещаясь внутри этой вертикали с разной степенью успешности. Не хватает у них смелости, чтобы принять вызов с открытым забралом и сказать: «Здравствуй, пенсия, ретардированная амнезия...». И скоро замедленные реакции, и чувство вящей бесполезности спровоцируют когнитивный диссонанс. Возможно не в первый раз, но окончательно и бесповоротно.

В общем-то ничего страшного нет, нет ни поводов, ни оснований, чтобы кричать: «Human rights under threat across the Globe!!!»

Некоторые возразят – а собственное дело, собственный бизнес. Ну, конечно, собственный бизнес, если кто отважится, будет держать тебя в тонусе до упора. С этим делом не соскучишься и с него не соскочишь. Ты сам себе должен наметить цель, рисовать задачи и их как-то реализовывать. Целеполагание идет не извне, а изнутри. Этот груз всегда с тобой, тут не расслабишься и не переключишься. Но так ли уж много среди нас «бизнесменов», которые сами, своей головой, придумали и создали собственное дело. Мягко говоря, не так много. Всех, кого я знаю, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Вот буквально недавно, накануне 23 февраля, сидели мы с сокурсниками в «Корчме» на Профсоюзной и вспоминали людей и события почти забытых 70-х годов и другие разные забавные истории. Само собой, коснулись темы возраста. Да не просто возраста, а возраста пенсионного. Ведь в этом году, даже самым молодым из тех, кто в 1974 году поступил на МЭО, исполнится шестьдесят лет. Накануне, 20 февраля, Саше Осипенко как раз исполнилось это самое...

Не скрою, хотел было обсудить актуальную тему, позубоскалить о возрасте, обменяться популярными анекдотами на злобу дня, но неожиданно, как мне показалось, встретил некое скрытое сопротивление. Почему-то большинство предпочло уклониться, а Толя Семенцов, так в открытую и достаточно энергично заявил «Серег, оставь эту тему, да не хочу я это вообще обсуждать».

Поскольку у нас на такого рода посиделках базовой доминантой является полный консенсус (если кто-то один чего-то не хочет, то и остальные должны признать, что они этого тоже не хотят), дискуссия была свернута на самой ранней стадии. Только Саша Ухалин, продемонстрировав полную и совершенную лояльность к данной теме, спокойным и невозмутимым голосом поведал, что он давно уже перешагнул пенсионный рубеж, принял этот момент философски-стоически и даже благодарен пенсии, поскольку она, точнее ее размер в рублевом эквиваленте, заставляет его до сих пор работать и соответственно держит в надлежащем тонусе.

Причину нежелания многих говорить о пенсии я ощущаю, как нежелание думать не только и не столько о завершении очень или не очень удачной служебной карьере, сколько в целом о «завершении», о жизненном финише. Весьма ограниченной системе позиционирования. Скучный выбор – внуки, огород и ящик – понятно, мало кого устроит.

Но и прятать голову в песок, делать вид, что ты не видишь этого (а чего я не вижу – того нет) тоже, на мой взгляд, представляется нерациональным... Не устраняйся, анализируй это... Но в конечном счете пенсия – это такой же элемент личной жизни, а личная жизнь у каждого своя.

Хотя в этот раз мозгового штурма на заданную тему не поучилось, испытываю благодарность друзьям-сокурсникам за их искреннее восприятие общей для нас всех ситуации. Мы можем это обсуждать или не обсуждать, замечать или не замечать (или делать вид, что не замечаем), но каждый из нас, уверен, не может не думать об этом, оставаясь наедине с собой. Роднит нас всех (ну, хорошо, не всех, но большинство, да, несомненно, большинство) то, что хотя на этом языке мы не разговариваем, но понимаем друг друга, а иные и не разговаривают, и не понимают. И все произнесенные слова, все брошенные фразы, все эмоциональные оценки, крики гнева, растворяясь в пространстве, одновременно собираются и сохраняются в невидимом горизонте событий, в неподдающейся пониманию смутной гавани небесной канцелярии.

Где наши сомнения, мысли, слова, скоропалительные и обдуманые, те, о которых придется или не придется пожалеть, не сгинут, не забудутся....

Не нами ведь сказано: Бог сохраняет все...!

Утром вошла нескромная.
Новый назначив срок
А Милость Его безусловная
Бог сохраняет все...

Жрица она чистокровная
Чудо и беды несет
Но линия совести ровная
Бог сохраняет все

Как же со всем этим справится?
Свои деянья – лихи
Но больше всего людям нравится
Мерить чужие грехи.

Прошное перемалывает
Времени колесо
Deus conservat omnia
Бог сохраняет все

Февраль 2017